

криминальная мелодрама

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Хранитель тайн,
или Сброшенная маска

Екатерина Гринева

Хранитель тайн, или Сброшенная маска

текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2982145

Екатерина Гринева. Хранитель тайн, или Сброшенная маска: Эксмо;

Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55066-1

Аннотация

Ксения жила с мыслями о мести. Она вновь и вновь видела в кошмарах ту ночь в зимнем лесу, когда от рук неизвестного погибла вся ее семья... Боясь, что убийца доберется и до нее, девушка уехала из родного города и устроилась официанткой. Она не знала, как осуществить свои планы, пока в кафе, где она работала, не появился парень с пронизывающими зелеными глазами. Ксения узнала его брелок со странным старинным вензелем – она подобрала такой же на месте преступления. Неужели этот человек причастен к гибели ее родителей и брата?.. Не в силах больше жить в неизвестности, девушка вернулась домой и выяснила: незадолго до гибели ее отец, крупный бизнесмен, побывал в Италии и встретился там с неким господином. Ксения немедленно вылетела во Флоренцию и увидела в приемной партнера отца... зеленоглазого незнакомца!

Екатерина Гринева Хранитель тайн, или Сброшенная маска

Пролог

На меня смотрели ГЛАЗА. В темноте я не видела их цвет, да и маска не позволяла рассмотреть их как следует. Я даже не знала, сколько лет этому мужчине, пристально рассматривавшему меня в упор. Я только сжалась, заглушив в себе крик «мама», и зажмурилась. Я ожидала звука выстрела. Но его пока не было. Впрочем, это был вопрос нескольких секунд, и я ожидала своей смерти, как предопределенности, которой не миновать.

В двух метрах от меня лежала мама, рядом – отец. Чуть поодаль – Артемка, мой младший брат, который учился в университете и приехал на семейный праздник. До Нового года оставалось несколько часов. Мы ехали праздновать его за город, в наш коттедж, предварительно загрузив багажник продуктами и предупредив Нонну Степановну, домработницу, о своем приезде, чтобы она все приготовила.

Я явилась к родителям за полчаса до выезда – я жила отдельно, считала себя взрослой самостоятельной девицей

и навещала родителей только по праздникам и еще иногда по выходным. Всего полгода я наслаждалась своей свободой и поэтому предложение отпраздновать Новый год с семьей восприняла с легким разочарованием.

Мама встретила меня с укоризненным восклицанием:

– Ксана! Мы уже думали, ты не приедешь!

– Что ты, мам! Я как штык и вовремя. Это у вас, кажется, еще ничего не готово.

– Все готово. Скоро выезжаем.

– А папа где?

– В кабинете – говорит по телефону. Ох, тревожусь я за него, – прибавила мать с беспокойством. – Все дела, дела... Да еще этот поджог в торговом центре – он пока не отошел от этого. Судебные повестки все нервы вымотали.

Я кивнула: мой отец был бизнесменом, одним из самых крупных в этом городе, и постоянно имел лобовые столкновения то с администрацией, то с конкурентами. Характер отца за последние годы сильно испортился. Он стал более жестким, бескомпромиссным и чаще говорил «нет», чем «да». Одно время ему предлагали пост в администрации города, но он отказался, справедливо считая, что взваливать еще одну проблему к своему бизнесу не стоит. Если бы Артемка был постарше, отец передал бы дела ему, а сам ушел в политику. А так... замордуют окончательно. Мать была рада, что отец остался на своем месте, но радовалась она рано, потому что в последнее время отца словно преследовал злой рок.

Сначала умер его старый друг и партнер по целому ряду бизнес-проектов Сергей Иванников, потом несколько компаний отца понесли серьезные убытки из-за недобросовестных подрядчиков. А тут еще пожар в торговом центре, который принадлежал моему отцу. Официальная версия – неправильное хранение рабочих материалов в подсобных помещениях, на самом деле – был поджог, но виновных не нашли. Охрана среагировала несвоевременно, и пожар успел охватить большую территорию. Усилиями прибывших пожарников очаг возгорания все-таки ликвидировали, однако ущерб был значительным. Отец ходил мрачнее тучи, и к нему лучше было не подступаться. Кое-как дело удалось замять, причем благодаря связям отца в администрации – как городской, так и областной, но на его лице я никакой радости не видела и поэтому боялась, что он многое недоговаривает. Так впоследствии и оказалось...

Это случилось в ноябре, а сейчас на дворе был Новый год, и мы решили поехать в коттедж и там его отпраздновать.

Выехали мы в восемь. Ехать было полчаса, но отец ехал медленно – шофера Василия он отпустил и сам сел за руль. Дорогой мы почему-то молчали. Я внимательно смотрела в окно машины, потому что первый раз за длительное время я увидела на небе звезды. Золотые точки, усыпавшие все небо, были очень яркие. Городскому жителю, каковым я являлась, очень редко удастся насладиться прелестями природы. Дорога шла в лесу – темные лапы густого и высокого ельника

тянулись к машине; было как-то не по себе, и я громко запела шутивную детскую песенку. Пропев куплет, я замолчала и снова уставилась на дорогу. Фонари горели тусклые, снега выпало много. До середины декабря стояла теплая погода, изредка шел мокрый мелкий снег – какая-то крупа – и тут же таял, зима была какая-то невсамделишная, с серым асфальтом и серым низким небом, а в двадцатых числах повалил снег – чистый, блестящий. Он искрился и звонко, аппетитно хрустел под ногами. Я была будто в сказке.

Участок, прилегающий к коттеджу, чистил дворник Петр Петрович, и все там ждало нашего приезда. Я уже представляла, как Нонна Степановна – высокая худая женщина с вечно поджатыми губами – встретит нас на крыльце и скажет, что все готово. Представляла, как дом сияет мелкими огоньками и во дворе стоит большая елка, украшенная красными или золотыми шарами. Раньше мама готовила непременно индейку в фольге, но вот уже два года, как она особо не обременяла себя, поэтому стол был довольно скромным.

– Может, надо было приготовить индейку, – озабоченно сказала мама.

Я пожала плечами, а Артем фыркнул:

– Обойдемся!

Я перевела взгляд на дорогу и здесь увидела ИХ. Темные фигуры выскользнули из самого леса и преградили нам путь. Отец резко затормозил и опустил стекло:

– Что вы хотите?

Черное дуло автомата уперлось ему в висок. Мать в ужасе закричала:

– Саша!

Артем дернул ручку дверцы на себя и чуть не вывалился на дорогу.

– Выходите! – скомандовал один из них.

Теперь я видела, что их пятеро, все в камуфляжной форме в масках...

– В чем дело? – Отец старался не терять присутствия духа, но я видела, что дается это ему с трудом.

– Выходите! – снова повторил мужчина.

Рука отца потянулась в бардачок, но его выволокли из машины и, ударив прикладом по шее, бросили на дорогу. Мать, закричав, бросилась к нему, но ее грубо отпихнули, и она упала навзничь.

Бледный Артемка накинулся на одного из них, но крайний вскинул автомат, и короткая очередь вспорола морозный воздух.

– Тема!!! – зашлась в крике мать.

– Сволочи! – прохрипел отец. Потом были эти глаза из-под маски и мой собственный ужас, сковавший тело... И здесь раздался выстрел рядом, совсем близко, и мне показалось, что меня ранило, я вскрикнула и провалилась в беспамятство.

Когда я очнулась и увидела тела, меня охватил страх, что ОНИ где-то рядом и сейчас вернутся, придут за мной... Я

поднялась и здесь увидела брелок со странным старинным вензелем. Очевидно, его уронил тот, кто стоял рядом и целился в меня! Я зажала в руке брелок и, спотыкаясь, чуть не падая, добежала до деревьев. Я забилась-забралась под разлапистую ель и сидела какое-то время там в полном оцепенении и слышала бешеный стук собственного сердца. Потом тряхнула головой и поняла, что мне надо БЕЖАТЬ.

Выбравшись из-под ели, я отправилась на вокзал и доехала на электричке до ближайшего городка. Сойдя на перрон, нырнула в людской поток и вышла на площадь. Там, сидя в первом попавшемся кафе, я обдумала свое положение. Обнаруживать себя я не могла. Думать о своих самых близких и родных как о мертвых я не хотела. Как только я вспоминала короткие сухие выстрелы в морозном воздухе и заполошный крик матери – всегда сдержанной и воспитанной женщины, и Темку, нелепо упавшего в снег, раскинув руки... мои губы начинали дрожать, а перед глазами – прыгать черные точки. «Они пришли за всеми нами...» – стучало в мозгу. И по счастливой случайности я осталась жива... Почему? Почему меня не пристрелили вместе с ними – может, лучше было бы так. Как мне жить с сознанием, что мои родные погибли. А я жива... Я была не в состоянии переварить и осознать случившееся. Мозг упорно блокировал эту информацию... Мне было все равно, куда ехать и где жить.

Внезапно я сунула руку во внутренний карман полушубка и нащупала там пластиковую карточку. Я снимала деньги в

банкомате торгового центра, чтобы сделать подарки родным. Подарки так и остались лежать в багажнике папиной машины... Я сунула карточку в полушубок второпях, и теперь она была со мной. Сейчас она была моим спасением... Денег там было не так много. Но на месяц-другой хватило бы... А за это время я бы устроилась на работу.

Я сглотнула.

– Зачем жить? – прошептала я. – Зачем?

Я сняла номер в единственной городской гостинице. Эту морозную, гулко-студеную ночь я запомню надолго... Свое собственное отчаяние-оцепенение, и бутылку водки, и распахнутый балкон... Стужа проникала под мою кожу: я сидела на полу и пила из горлышка бутылки. Мерзкая жидкость, стекавшая по моему горлу, вызывала отвращение, но мне хотелось забыться. Тяжелое оцепенение сковывало меня и вызывало спасительное отупение. Мороз пробегал по кончикам пальцев и поднимался выше.

– Зачем жить? – шептала я, встряхивая головой. – Зачем? Для чего?

Ответа не было, была только тоска – вселенская мертвенная тоска, которая росла, пухла и грозила поглотить меня всю целиком. Внутри этой тоски было тревожно и неудобно; она больно грызла меня, все горело внутри, и протяжный звериный вой вырвался из меня, и я зажала себе рот рукой. А в следующую минуту я уже рыдала злыми отчаянными слезами, вцепившись в волосы; и с этими слезами из

меня источалась, извергалась вся прошлая счастливая жизнь нашей семьи: с новогодними праздниками и старинной скатертью, ароматом теста и блестящими гирляндами фонариков, с первыми детскими рисунками и первой Темкиной сигаретой; моя мать тогда плакала, а отец сказал, что если еще раз поймает, то надерет брату, которому было тогда двенадцать лет, задницу; с запахом отца и маминой улыбкой – и нашими семейными вечерами, все это безвозвратно уходило туда, откуда уже не могло вернуться. Никогда.

Уснула я уже под утро, провалившись в беспамятство.

Проснувшись, я долго не могла сообразить, куда попала: бутылка валялась на полу, простыни были сбиты – я завалялась на кровать в одежде, даже не раздевшись. Потом все вспомнила, и у меня перехватило дыхание.

Проплакав час или два – время стало для меня совершенно абстрактным понятием, – я задумалась, что мне теперь делать. Возвращаться в родной город было опасно. Лучше всего забиться в какой-нибудь маленький городок, где меня никто не будет искать, и осесть там. В этом городке я могу начать совершенно новую жизнь. Под другим именем и фамилией. Словно никогда и не было Ксении Соколовской. Я вдруг нахмурилась. Все мои родные были как живые... я не могла смириться с тем, что они мертвы.

Я подошла к двери и, прежде чем повернуть ручку и выйти в коридор, поклялась, что когда-нибудь я найду убийцу и он мне заплатит за все.

Город N подошел мне по многим причинам – это была такая дыра, что вряд ли кому в голову придет искать меня там. Здесь почти не было промышленности, он производил впечатление типичного провинциального захолустья, все половозрелое население которого так и мечтает уехать в Москву или в другой мало-мальски крупный город.

Я сняла комнату на неделю у глуховатой бабки, которая потребовала с меня деньги за три месяца вперед. Поторговавшись, я заплатила за два. Теперь мне приходилось считать каждый рубль – пока я не устроюсь на работу. Ворча, Ольга Сергеевна согласилась и ушла на свою половину, придерживаясь рукой за поясницу.

В первой же парикмахерской я перекрасила волосы и стала из блондинки жгучей брюнеткой.

– Надо же так волосы портить, – охала полная парикмахерша в засаленном синем халате.

– Ничего. Сейчас брюнетки в моде.

– На блондинок мужики больше клюют, – заметила она. – Ты что, замуж выйти не хочешь?

– Ближайшим пунктом в моих планах замужество не значится.

Она замолчала и только иногда бросала на меня быстрые взгляды.

Когда я посмотрела на себя в зеркало, то невольно зажмурилась. На меня смотрела совершенно чужая девушка: с голубыми глазами и скорбными складками у губ. Взгляд был жестким и колючим.

– Тысяча.

Я дала деньги и, сняв с вешалки полушубок, вышла на улицу.

Я обошла город в тот же вечер пешком и поняла, что заплатила я вперед бабке несколько опрометчиво: найти работу в городе казалось весьма проблематичным. Офисов здесь было мало, и предложить свои услуги дипломированного специалиста я не могла – думаю, о моей профессии здесь и не слышали. Я не могла наняться даже секретаршей... Короче – полная безнадега.

Незаметно я вышла на трассу и пошла вдоль нее. Холодный январский ветер хлестал по щекам. Полушубок я забыла застегнуть; так и шла – грудь нараспашку, но холода совершенно не чувствовала. Наверное, я просто полностью потеряла чувствительность...

Вскоре на моем пути возник местный кабаk с названием «Улыбка», и я решила зайти туда.

Атмосфера в кафе мне сразу не понравилась. Это было типично придорожное заведение, где ошивались сомнительные личности. За столиками сидело несколько лиц кавказской национальности, их взгляды похотливо скользнули по мне, но я лишь вздернула выше голову. Кто-то из них гогот-

нул – не обращая внимания, я прошла за соседний столик и опустилась на стул. Я сняла полушубок и повесила рядом. Хотелось есть и пить.

Я позвала проходившую мимо официантку – девушку с длинными кудрявыми волосами, и она, даже не повернувшись, сунула мне меню.

Полистав, я сделала заказ, и вскоре передо мной стояли горшочек с мясом и салат с курицей. И вдруг я поняла, что не смогу съесть ни кусочка – меня сейчас просто вырвет на скатерть. Я сглотнула и, надев полушубок, выскользнула на улицу.

Официантка стояла и торопливо курила на морозе. Она глубоко затягивалась и выпускала дым.

– Уходите? А счет?

– Нет. – Я прислонилась к стенке. – Я еще не уйду, просто мне стало плохо, и я решила выйти подышать свежим воздухом.

– А... Ну воздуха здесь в избытке, в этом сраном городишке. Бери и хлебай.

– Давно тут?

Она метнула на меня быстрый взгляд.

– Полгода. А ты?

– Два дня.

– Проездом?

Я неопределенно мотнула головой.

– Еще не знаю.

– Собираешься здесь остаться? – в голосе слышалось явное удивление. Как-то не вязался мой облик в этом дорогом полушубке с дешевой харчевней и маленьким городишком.

И вдруг я поняла, что мне просто необходимо выговориться.

– У меня родные погибли. Все – отец, мать и брат. И я хочу какое-то время пожить в другом городе. Не могу там оставаться – все о них напоминает.

– А откуда ты?

– Из Томска, – соврала я.

Она присвистнула.

– Эка занесло! Из самой Сибири. Как звать?

– Ксения. Самойлова. А тебя?

– Маруся Зыкина. Можно просто Муся. Ты жить здесь хочешь? А работать?

– Работу мне обязательно нужно найти. Сбережений у нас никаких не было, – сочиняла я на ходу. Старенькая «девятка» да «трешка» в городе на окраине. Может быть, когда-нибудь я продам ее, а сейчас там мой дальний родственник живет.

Маруся смотрела на меня внимательно, не сводя пристального взгляда. У нее были карие глаза, кудрявые волосы и смуглая загорелая кожа.

– Загорела-то где так? – решила сменить я тему. – На курортах летом отдыхала? Или в Египет недавно ездила?

Маруся невесело усмехнулась и потушила сигарету о стен-

ку.

– Да я сама с курорта. Из Геленджика. Пришлая здесь, как и ты. Мой парень бросил меня, когда я уже была на пятом месяце беременности. Подлец закрутил шашни с другой, а ведь мы пожениться собирались. Все планировали – где жить будем, что и как. Ну и выкидыш на нервной почве. Я тоже, как ты, сбежала от всех. И прежде всего от него. Он свадьбу собирался закатить...

– И как, закатил?

Она пожала плечами.

– Меня уже к тому времени в городе не было. Рванула сюда, а здесь старалась поскорее о нем забыть. Слушай... – Она прищурилась. – Работа, говоришь, тебе нужна?

– Да. Нужна.

– Галка скоро уходит. Замуж вышла за парня из областного центра и переезжает к нему. Это вторая официантка. Пойдешь? Веселее нам будет.

– Официанткой? – Мозги мои лихорадочно заработали... А что? Почему бы и нет? Какая разница, где работать? Если мне нужны деньги. Да и работу по своей специальности я здесь вряд ли найду.

С Мусей мне будет веселее... Я сейчас отчаянно нуждаюсь хотя бы в одной душе, которая меня выслушает и поймет.

– Неплохой вариант, – покачала я головой.

– Ну, я пошла, слушай, подожди меня. Через пятнадцать

минут моя смена заканчивается. Вместе пойдем ко мне: посидим, поговорим...

Так я познакомилась с Мусей и пришла на работу в «Улыбку». Хозяин – толстый обрусевший армянин Вазген Хачатурович частенько понукал нас и называл «лодырными девками». Говорил он с легким акцентом; у него была русская жена Люба, работавшая бухгалтером в нашем же кафе, и трое пацанчиков, как две капли воды похожие на Вазгена – плотные, черноглазые, шустрые.

Вазген пробовал подкатить ко мне; Муська сказала, что он и к ней подкатывал, она сразу поставила его на место, пригрозив, что может уйти в любой момент – вряд ли он найдет кого за такие копейки горбатиться в этой забегаловке. Рассудив, Вазген тоже пришел к такому выводу и Муську в какое-то время оставил. Я же сказала Вазгену, что недавно похоронила любимого; он посопел и отстал от нас обеих.

Рассудив, мы с Муськой решили снять домик на двоих и жить в нем. Дом мы нашли на окраине города, давно не отремонтированный, с двумя комнатками и хлипкой верандой. Хозяйка Олимпиада Григорьевна переехала жить к сестре, а нам сдала дом, причитая и жалуясь на свою вдовью долю.

Участок был заросшим: за ним никто не ухаживал: ветки деревьев клонились к земле, кусты буйно кучерявились вдоль забора и около дома. Трава росла по пояс, пока мы с Муськой не купили газонокосилку и дружно не привели все в порядок. Это было летом... О прошлом я старалась изо всех

сил не вспоминать, но первый год кошмары снились мне почти каждую ночь, и я часто просыпалась с гулко колотящимся сердцем и в холодном поту. Во рту был странный привкус, и я с плачем зарывалась глубже в подушку. Тоска могла накатить на меня в любой момент. Я не могла даже заставить себя поехать в областной центр и посмотреть газеты в архиве: я просто не знала, как все это выдержу. Тактичная Муська ни о чем не расспрашивала, и мы делали вид, что у нас нет прошлого, а есть только настоящее.

Иногда я вынимала из маленькой шкатулки, куда складывала всякие безделушки, брелок со старинным вензелем, который обронил тот, кто пощадил меня и не убил вместе со всей семьей, и рассматривала его. Однажды Муська застала меня за этим занятием. Я поспешно спрятала брелок обратно в шкатулку, ничего не объяснив подруге.

И все-таки я не выдержала: поехала в областной центр, подняла все газеты за тот период и узнала, что мои похоронены на Вышнегорском кладбище. Все трое. Я поехала к ним тайком, ближе к вечеру, и когда увидела эти могилы, то чуть не потеряла сознание. Все плыло, качалось у меня перед глазами, и я стояла сцепив руки.

– Простите меня! – сказала я вслух. – Пожалуйста, простите за все!

Я положила на могилу цветы и ушла, ни разу не оглядываясь.

Так прошло полтора года. Я жила в каком-то отупении,

стараясь ни о чем не думать, а жить одним днем. Когда выпадали свободные вечера, мы с Муськой смотрели телевизор: развлекательные передачи или ток-шоу или читали дамские романы, купленные в местном ларьке. Муська любила журналы с sudoku и, наморщив лоб, старательно расписывала цифры в столбики. Я же занимала мозги очередным немудреным чтивом или щелкала пультом телевизора. Изредка, когда нам хотелось хоть какого-то разнообразия, мы выбирались в районный центр в кино или играли в игорном клубе в боулинг. Кроме того, каждый выходной, раз в неделю, я уезжала в развлекательный комплекс, находившийся в пятидесяти километрах от нас, и училась стрелять в тире. Я просаживала там почти все свои деньги – я стреляла с остервенением, до помутнения в глазах до тех пор, пока рука не начинала неметь. Муся называла это «пострелять зайцев».

Парни к нам отчаянно клеились, но мы всех отшивали, не чувствуя никакой потребности в мужском обществе. Муська клялась, что она больше вообще никогда ни на кого не посмотрит. Я понимала, что для нее это лишь вопрос времени, нужно залечить душевные раны. Я же... чувствовала себя настолько неживой, насколько человек может притворяться живым. Я все делала и жила на автомате, словно внутри меня образовался колючий ледок, который постепенно все больше и больше обретал толщину и превращался в арктическую глыбу льда, которую вряд ли кто сможет проломить.

Я очень любила мать и отца, но сейчас я почему-то все

чаще вспоминала Темку – своего брата, с которым у нас была разница в два года. В детстве мы были очень дружны и часто ссорились-мирились: ссорились до слез и мирились так же. Но когда Темка подрос, он взял на себя роль моего защитника и однажды даже подрался с мальчишкой, который был на целую голову выше его. Подрался из-за того, что тот отнял у меня мяч и дразнил, отбежав на расстояние. Темка налетел на него с кулаками – от неожиданности обидчик пустился наутек, а потом остановился и набросился на Темку. Темке было больно, но он терпел: из рассеченной губы сочилась кровь, под глазом красовался синяк, но он снова и снова нападал на своего противника. И наконец Темка с громким криком ринулся вперед и стал отчаянно колотить руками моего обидчика с каким-то боевым криком. И тот сдался... сбежал, спотыкаясь и нелепо взмахивая руками.

А мы с Темкой остались одни. И я помнила: как он улыбнулся окровавленными губами, а я подошла к нему, обхватила за шею и заплакала. Я очень любила Темку, а он – меня... А сейчас Темки нет. И он даже не успел нас познакомить со своей девушкой, с которой у него все было серьезно. При этой мысли все расплывалось перед глазами, и я делала усилие, чтобы взять себя в руки...

Муська, видя, что я «смурная», старалась изо всех сил отвлечь меня, за что я была ей благодарна. Муська была незлобива и добра. Правда, она была жуткой аккуратисткой, а я частенько разбрасывала свои вещи, так что подруга иногда

ворчала на меня и поругивала, но все это было как-то по-доброму, по-семейному.

Я не задумывалась ни о том, что будет дальше, ни о том, как долго я пробуду в этом городе и проработаю в кафе «Улыбка». И тот день, который полностью перевернул мою жизнь, тоже начался, как обычно.

Муська ушла на работу первой. Я должна была ее сменить к вечеру. Я поздно встала, выпила горячий кофе и весь день до смены Муськи читала какой-то современный детектив и смотрела телевизор.

Когда я пришла на трудовую вахту, Муська беседовала с Жориком – нашим барменом, пронырливым молодым человеком с бегающими по сторонам глазами. Он был высок, худ и напоминал клерка, сидевшего день и ночь в офисе. Жора был, наверное, единственным парнем в городе, который не пытался к нам клеиться: может, из-за того, что просто хотел быть другом, а может, из-за того, что считал это бесполезным.

Я кивнула ей и, переодевшись, вышла в зал. Спустя минут пять хлопнула входная дверь, и в кафе вошел молодой парень. Непонятно почему я подняла на него глаза и застыла. Парень был высоким, золотоволосым, со светло-зелеными глазами. Он был гибок и двигался с почти кошачьей грацией: быстро и бесшумно. Он сел за столик у окна и, обернувшись в мою сторону, нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. Ноги прилипли к полу, я не могла сдвинуться с ме-

ста – боковым зрением я видела, что Муська бросила на меня удивленный взгляд и медленно подошла к столику, протянув меню. Он взял его – пальцы парня были длинными, красивыми – и стал лениво листать его. А меня вдруг затрясло, и я чуть ли не бегом направилась на улицу. Следом за мной вышла Муська.

– Ты чего? – спросила она.

– Плохо что-то стало. Я покурю.

– Ты и вправду чудная какая-то. Побледнела. Знакомый твой, что ль?

– Ты о ком?

– Сама знаешь о ком, – усмехнулась Муська. – Как этот хмырь к нам зашел – так ты сама не своя стала.

– Я его первый раз вижу, – сказала я, глубоко затягиваясь. – Ей-богу.

– Правда?

– Ага. А зачем мне тебе врать?

– Ну не знаю...

Я бросила окурок в урну и потянула дверь на себя.

– Если тебе совсем плохо – я могу подменить.

– Справлюсь, – процедила я.

– Смотри, – туманно сказала она. – Как бы чего... – но фразу Муська не закончила и замолчала.

А я вошла в помещение и направилась к столику, где сидел парень. Он листал меню, когда я подошла.

– Выбрали? – Голос мой неожиданно сел и стал хриплым.

Он поднял на меня взгляд, и светлая зелень полоснула меня.

– Выбрал, – сказал он лениво. Таким тоном говорят, когда никуда не торопятся и впереди уйма времени, а все важные дела остались позади, и наступил час отдыха.

Я приняла заказ.

– Что-нибудь еще?

Он сидел и смотрел на меня. Его взгляд был спокоен и безмятежен; он смотрел на неодушевленный предмет – с легким интересом и любопытством. Неужели он меня узнал? – Жар прошел позвоночник, и я наклонила голову вниз.

– Все? – Я старалась, чтобы мой голос звучал как можно грубее.

– Все, – припечатал он.

Руки мои дрожали, и я подумала: может быть, правда – передать все Муське, сославшись на нездоровье, тем более что она смотрела на меня из-за барной стойки с тревогой и недоумением. «Черт-те что! – Рассердилась я сама на себя. – Какой-то сопляк нервирует меня».

Я принесла заказ и быстро ушла. Меня позвала вошедшая парочка шоферов-дальнобойщиков, и я стала хлопотать около них. Они требовали сначала одно, потом – другое. Когда я закончила их обслуживать, повернула голову к столику зеленоглазого блондина и увидела, что его нет. Я взглянула в окна и заметила, как он торопливо идет к светлой «Тойоте». Я метнулась к столику и увидела две тысячные купюры, прижатые солонкой. Счет был примерно в тысячу рублей, и я

метнулась к двери.

Выбежав на улицу, я крикнула:

– Эй! – но он меня не слышал и уже садился в машину. Я подбежала к ней, почему-то мне хотелось встретиться с ним еще раз глазами. – Эй!

Он уже сел, но я подскочила и забарабанила по стеклу. Стекло поехало вниз.

– Что-то не так?

– Вы оставили слишком большую сумму для счета.

– Да? Ну тогда это – чаевые.

– Чаевые? – переспросила я, оттягивая момент, когда он отъедет и я больше его никогда не увижу.

– Сходите на них в ресторан или купите помаду.

– Спасибо.

Он взмахнул рукой, и я увидела в ней зажатый брелок – как две капли воды похожий на тот, оставленный на месте убийства.

– Всего хорошего, зая, я тороплюсь, – и он тронул рычаг зажигания.

Ни это спокойно-хамское «зая», ни равнодушный взгляд, которым он напоследок мазнул меня – не могло отвести мое внимание от его руки. Я машинально отступила назад и провела рукой по лбу.

Машина, взревев, отъехала, а я бросила взгляд на номера. Они были из моего родного города. Я стояла как оглушенная и даже не сразу услышала Муськин крик, адресованный мне:

– Ксана! Живей! Тебя зовут.

С трудом я очнулась и посмотрела на Муську. Она стояла на крыльце и отчаянно сигналила мне.

– Вазген лютует. Лодырной девкой уже называет.

– Это его любимое выражение, – огрызнулась я, – хоть бы сменил пластинку для разнообразия. Сам бы побегал между столиками и повертелся. Легко сидя указания отдавать.

– Ты чего?

– Ничего!

– Все в порядке?

– Естественно, – сказала я сердито.

– Что за парень был?

– А я откуда знаю?

Муська почему-то была твердо уверена, что я его знаю.

Я отработала смену на автомате. Муська уже давно ушла домой, и все это время у меня из головы не выходил брелок! Что это значит! Неужели я встретила с одним из тех, кто в ту ночь хладнокровно расстрелял отца, мать и Темку? Ну тогда мне надо было вытащить его из машины и застрелить как собаку или предварительно избить. Позвать кого-то на помощь? Ну и что я им скажу? Я же не могу раскрыть себя!

Мысли разбегались в разные стороны, а я неожиданно поняла, что надо что-то делать. Я не могу убегать от прошлого, как бы мне ни хотелось. И сколько я собиралась отсиживать-ся здесь? Всю жизнь?

Подходя к дому, увидела Муську, сидевшую на крыльце.

Она курила, вокруг нее ходила приبلудная черно-белая кошка с рыжим пятном на шее, которую мы иногда подкармливали остатками из трактира. Она отчаянно делала вид, что ничейная и гуляет сама по себе, но иногда нисходит до нас и разрешает себя кормить. Мы по мере сил подыгрывали ей. Приходила и уходила она, когда хотела, и мы, не сговариваясь, дали ей имя Вреда от «вредины». Солнце уж садилось, но воздух был теплый.

– Садись рядом! – похлопала Муська рукой по ступенькам крылечка. – Посидим – поокаем. Отпросилась?

– Да. Я себя неважно чувствую!

– Из-за этого хмыря, что ли? Как пить дать тебя знает. Я пару раз видела, как он пристально на тебя смотрел. Зыркал, но так, чтобы незаметно было.

– Показалось!

– Ей-богу! – И Муська размашисто перекрестилась. – Не вру!

– Может, понравилась? Вот и смотрел.

Хотя мне в это верилось с трудом.

– А что? Вполне. Девки мы с тобой что надо! – И она подмигнула мне.

– Кто бы сомневался. – Я слегка ухмыльнулась.

Черно-белая кошка смотрела на меня, сидя под большим кустом боярышника, и не двигалась с места.

– Кис-кис, – позвала я кошку взмахом руки. Но она стойко проигнорировала мой жест и осталась сидеть на месте.

– Кис-кис, – позвала я уже громче. И снова – безрезультатно. Вечно она меня игнорирует.

– Не идет, зараза.

Я взяла пачку сигарет, лежавшую на крыльце, и вынула одну. Докурив, принялась за другую.

Курили мы молча – Вреда чихнула и отошла подальше, укоризненно смотря на нас желтыми глазами.

– Мусь, я скоро уеду ненадолго, – немного помолчав, сказала я.

– Куда? – вздрогнула Муська. – Далече? Это из-за этого хмыря, что ли?

– Сдался тебе он! – в сердцах воскликнула я. Не признаваться же подруге, в чем тут дело. – Просто надо.

– Вчера еще не надо было. А сегодня... – с легкой обидой сказала Муська. – Что за секреты развела. И от кого?

– Прости, Мусь, – искренне сказала я. – Не могу ничего тебе пока объяснить. Правда, не могу. Объясню, но не сейчас.

– Я уже поняла, – призналась Муська со вздохом, – тайн у тебя хватает, и выглядишь ты не по-нашенски.

– Как это?

– А так. Мне однажды наш Вазген глаза на тебя раскрыл. – Говорит, наша Ксюха как фифа какая. Благородная девица, случайно залетевшая в наше дерьмо.

Я невольно улыбнулась.

– Ксан! – Подруга придвинулась ко мне ближе. – А ты вер-

нешься?

– Конечно, Мусь, – обняла я ее. – Как только управлюсь со своими делами – так и вернусь.

В самом деле я не собиралась задерживаться надолго в своем родном городе. Мне нужно было провернуть одно вполне конкретное дельце – найти и покарать убийц. После этого со спокойной совестью я могла возвращаться к Вазгену и Мусе. Хотя... по здравом размышлении я понимала, что это вряд ли произойдет: что мне делать в этом городе в статусе официантки? Но так далеко заглядывать я не хотела. С тех пор как я увидела в руке этого парня брелок, все перевернулось вверх дном, моя размеренная жизнь пошатнулась и дала крен. Та спячка, в которую я была погружена, закончилась, и теперь мне предстояло действовать. И для начала мне надо было найти того парня. Я не знала, что я скажу ему и как – главное было найти. Я даже не думала о том, что шансы отыскать его в миллионном городе весьма малы, если не сказать – ничтожны. Я была наполнена чувством мести, и эта месть жгла меня изнутри. Эта месть не давала мне сойти с ума и спасала меня от депрессии долгими зимними вечерами – она являлась моим мотором и топливом, и если что-то придавало моей жизнь смысл, то это была месть – великолепная, хладнокровная, яркая...

Я докурила и пошла в дом. Уезжать я собиралась прямо завтра с утра, не откладывая.

– Я тебе свою сумку дам. У тебя даже чемодана нет, – тихо

предложила Муська. – Перекати-поле ты.

– А ты?

– За компанию.

По голосу я поняла, что Муська плачет.

– Мусь! – Я взяла ее за руки и притянула к себе. – Я вернусь, честное слово. Ну, прости меня, Мусь!

– Да я что – я все понимаю. Просто одной оставаться не хочется – привыкла я к тебе. Ты мне как родная стала.

– Я буду звонить...

Я кинула свой нехитрый скарб в Муськину потрепанную сумку и поставила ее под стол.

– Утро вечера мудренее. Надо к Вазгену зайти за расчетом.

– Вот уж кто удивится, глаза на лоб полезут. Он, наверное, думает, что осчастливил нас и мы ему должны быть по гроб жизни благодарны за работенку его и зарплаты дохлые.

Вазген, как ни странно, к моему заявлению об уходе отнесся спокойно-философски. Очевидно, этого прожженного армянина уже было трудно чем-то удивить или пронять. Он только сказал напоследок:

– Морду в пекло не суй! А то я тебя знаю.

– Откуда? – невольно изумилась я. – В драках не участвовала. Не была. Не состояла.

– По глазам вижу. Опыт кое-какой жизненный есть. Поэтому и предупреждаю. Ты не отмахивайся, вникни. Вазген плохого не пожелает никогда. Учти. Плохого совета Вазген

не даст.

– Учту, – пообещала я, – непременно.

И только когда за мной закрылась дверь «Улыбки», я неожиданно поняла, что буду скучать по этому месту. Хотя частенько его проклинала: пьяных мужиков, в угаре так и норовивших ущипнуть или положить свою лапу на пятую точку, вечный дым и гул в ногах. К концу смены они у меня едва не отваливались.

Муська проводила меня до трассы, и когда мы ждали попутную машину, она меня крепко обняла и опять расплакалась. Потом быстро взяла себя в руки, чтобы не портить мне настроение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.